

Вернувшись в комнату, он взглянул на стоящее на столе лакомство, и в его глазах отразилось равнодушие.

Существует выражение: любишь человека — полюбишь и всё, что с ним связано. Но верно и обратное: если питаешь к кому-то отвращение, то и все окружающие его люди становятся противны.

Мир знал лишь одного владельца Острова Цанлань — Чжунли Цзюэ. И никто не догадывался, что есть еще один человек с таким же именем. Этот Чжунли Цзюэ с самого рождения был обречен оставаться в тени, быть лишь отражением другого человека, не имея даже собственного имени.

Мягкий и яркий лунный свет озарил фигуру мужчины. Белые одежды отражали холодное сияние, словно сам он излучал призрачный свет. Его лицо тонуло в полумтени, казалось, будто темная пелена поглощает нежный лик луны, искажая и уродуя его красоту.

Белоснежными пальцами он погладил рукоять зонта, на которой был выгравирован иероглиф «Цзюэ». Начертанный изящно, нежно и утонченно.

В какой-то миг ярко-красный промасленный бумажный зонт в его воображении превратился в облик прекрасной женщины. Ее сияющие глаза искрились теплотой, когда она протягивала ему зонт:

— А-Цзюэ, это подарок от матушки на твой день рождения, тебе нравится? Время летит так быстро, вот ты уже и вырос, шестнадцать лет — совсем взрослый. Когда юноши достигают этого возраста, родители дарят им промасленный бумажный зонт, надеясь, что сын станет опорой семьи. Но у матушки не так много требований — я лишь хочу, чтобы твой жизненный путь был полон мира и гармонии. Даже если меня не будет рядом, я всегда буду любить тебя.

— Матушка... — прошептал он. Тысячи слов любви и тоски рвались наружу, но застревали в горле. Он лишь бережно прижал зонт к груди, прислонившись щекой к его поверхности. Глаза его увлажнились, и одинокая слеза беззвучно скатилась на бумагу.

В трех-четырех днях пути от этого места, в Древнем городе Нинчжоу, находилось загородное поместье Лоу Фэйе. Он решил, что лучше всего будет укрыть там лишенного крова красавца в белом.

На следующее утро, с первыми лучами солнца, карета выехала за городские ворота. Лоу Фэйе правил лошадьми, сидя снаружи. На нем была бамбуковая шляпа, черные волосы собраны в высокий хвост, а несколько прядей небрежно спадали на красивое лицо. Он жевал травинку, а одна нога беспечно покачивалась в такт движению экипажа.

Праздник Цинмин только что завершился — самое время для весенних прогулок. За городской чертой было немало людей, выбравшихся на природу. Туман постепенно рассеивался, и золотистые лучи солнца пробивались сквозь легкую дымку. Юноша, управляющий каретой, выглядел таким свободным и лихим, с лихо заломленной шляпой, что его появление придавало весеннему пейзажу особую яркость, заставляя прохожих девушек украдкой оглядываться вслед.

Солнце поднималось выше, и прохлада сменилась летним зноем. Лоу Фэйе остановил карету у ручья. Он обернулся к пассажирам:

— Половину дня в пути, давайте немного отдохнем, прежде чем двигаться дальше.

Сяо Цзю высунул голову из-за занавески, его личико слегка покраснело от смущения:

— Старший брат-ученик... мне нужно... отойти.

Лоу Фэйе помог ему спуститься и проводил к ближайшим кустам. Возле ручья росло дерево с неизвестными цветами, густо усыпанное нежно-розовыми лепестками. Красавец в белом, вышедший из кареты, замер у воды. Порыв ветра сорвал с ветвей лепестки, закружив их в воздухе. Он стоял под алым зонтом, окутанный осенним солнцем и опадающими цветами; перед ним переливалась вода, ветер играл краями его широких рукавов, превращая его в бессмертного, сошедшего с полотна художника.

Сяо Цзю, глядя на него, потянул Лоу Фэйе за край одежды:

— Старший брат, когда мы найдем учителя, давай заберем красивого брата с собой на Остров Цанлань! Он ничего не помнит, даже не знает, где его дом, как же это грустно.

Лоу Фэйе отвел взгляд и приподнял бровь:

— Ты заглядываешь далеко вперед.

Сяо Цзю задрал подбородок, не скрывая симпатии:

— Конечно! Красивый брат добрый и внешность у него приятная, он даже угостил меня сегодня утром лакомством, поэтому я решил признать его своим старшим братом!

— ... — уголок рта Лоу Фэйе дернулся. — Одно лакомство — и ты уже подкуплен?

К тому же, кажется, это лакомство покупал он сам? Он поставил Сяо Цзю на землю:

— Ладно-ладно, иди уже, а если штаны намочишь — сам их и стирать будешь.

Сяо Цзю, которому действительно было невтерпёж, не стал спорить и побежал к зарослям. Лоу Фэйе вернулся к карете и подошел к красавцу, протягивая ему сухой паек и бурдюк с водой:

— Поешь немного, нам еще предстоит долгий путь.

Красавец нахмурился и покачал головой, прошептав:

— Я не голоден.

— Ты что, питаешься небесной росой, раз презираешь земную пищу? — Лоу Фэйе сел на камень, подтянул его к себе и вложил в его руку кусочек сладости. — Даже если не хочешь, надо поесть, иначе в дороге совсем ослабнешь.

За два дня общения Лоу Фэйе понял, что тот почти ничего не ест. Вчерашнее угощение, скорее всего, целиком досталось Сяо Цзю. Неудивительно, что он такой худой — словно хрупкая ива на ветру. Лоу Фэйе даже засомневался, не унесет ли его порывом ветра.

Тот поднял глаза — в них читалось смирение и легкая обида — и, удерживая лакомство тонкими белыми пальцами, откусил кусочек. Лоу Фэйе приложился к своему бурдюку, сделал пару глотков и сказал:

— Раз уж ты не помнишь своего имени, давай придумаем новое. Иначе как мне к тебе обращаться?

Не называть же его Красивым братом, как это делает Сяо Цзю? Хотя тот выглядел старше, Лоу Фэйе не мог заставить себя так к нему обращаться. В этом теле ему было восемнадцать, но в прошлой жизни он прожил больше двадцати лет и психологически был совершенно взрослым человеком.

Лоу Фэйе потер подбородок и с улыбкой произнес:

— Как насчет имени Сы Юй? Кхе-кхе, это совсем не намек на то, что ты потерял память.

Красавец с легким недоумением посмотрел на него:

— Что такое игра слов?

— Неважно, всё равно бы не понял, — Лоу Фэйе отмахнулся. — Сы Юй, Сы Юй — звучит красиво, правда? Надеюсь, это имя принесет тебе удачу, и ты сможешь взять свою судьбу в

свои руки, вспомнишь прошлое и перестанешь блуждать в тумане.

Лепестки медленно кружились в воздухе, ручей тихо журчал, птицы весело щебетали. Теплый солнечный свет падал на лицо Лоу Фэйе — его глубокие черты лица казались резкими и дерзкими, но в ясных глазах светилось чистое, словно залитое солнцем, тепло. В каждом движении чувствовались энергия, искренняя забота и доброта.

Много лет спустя, вспоминая этот момент, Сы Юй будет чувствовать, как его сердце окунается в раскаленный мед. Это было сладко до глубины души и в то же время нестерпимо больно.

Заметив, что тот молчит, опустив глаза, Лоу Фэйе замолчал и наклонился к нему:

— Э-э... если тебе не нравится, можешь выбрать сам.

Волнение в глазах Сы Юя улеглось. Он поднял взгляд, его алые губы слегка изогнулись, а лицо вновь стало мягким и невинным:

— Это имя хорошее. Пусть будет Сы Юй.

Голос Сы Юя был нежным и чистым. Лоу Фэйе почувствовал, как что-то дрогнуло внутри. Он посмотрел на бегущую воду, и в памяти всплыло далекое воспоминание:

— Когда я впервые услышал твой голос, он напомнил мне об одном человеке.

Сы Юй с любопытством спросил:

— На кого?

Лоу Фэйе покачал головой:

— Не знаю. Очень давно я случайно услышал, как кто-то поет, но даже не видел его лица.

— Раз это так врезалось тебе в память, наверняка тот человек пел очень красиво?

— Пел он действительно красиво, но дело не в этом.

Дело было в том, что он заслушался, отвлекся и попал в аварию, которая и забросила его в этот мир.